

Я рассматривала ладони, стараясь не поднимать взгляд. Серые глаза отца впились в мое лицо. Он всегда был недоволен, и в этот раз ему что-то не понравилось. Полностью погрузиться в свои мысли мешали звук колес, стук копыт и легкое ржание лошадей. За окном мелькали вековые дубы и блестящая утренней росой, сочная трава. Мне захотелось вырваться из тесной и душной кареты наружу, нарвать желтеньких цветов, росших у обочины. Отец сурово поглядел на меня и сжал зубами до скрипа трубку. В его голосе сочилось недовольство.

Барон: Вернись, пожалуйста, в реальный мир, Оливия. Сейчас не время погружаться в грезы. Перед тобой стоит важная задача.

К несчастью, иногда он был излишне жесток. Еще за несколько дней до поездки он начал нервничать и срывать злобу на родных и прислуге. Спорить с ним не имело смысла.

Оливия: Хорошо, папа...

Барон: Ты чем-то недовольна?

Оливия: Нет, меня все устраивает. Я всецело вам доверяю.

Барон: Уверен, что граф Шернадье понравится тебе.

Оливия: Я тоже в этом уверена...

Барон: Не стоит бояться, дорогая. Лучше подумай о своем будущем. Брак с Августом обеспечит тебя на всю жизнь.

Оливия: Чем плоха жизнь с вами? Может я хочу остаться дома?

Барон: Так устроен мир, дорогая. У всех есть обязанности: я должен поддерживать особняк и кормить семью. Ты же знаешь, что последние королевские реформы сильно ударили по нашему благополучию - пришлось отправить часть слуг по домам, потому что мне нечем оплачивать их работу. А ты обязана во всем слушаться меня и делать все для нашей семьи. Тебе сотни раз об этом твердили, правда?

Оливия: Да, папа...

Недовольный блеск померк в глазах отца; тяжелая морщина на его лбу разгладилась. Он улыбнулся:

Барон: Я слышал об этом Шернадье много разного. Поговаривают, он танцует как бог, разбирается в живописи и литературе - очень разносторонний молодой человек, да еще не сильно старше тебя. Могу сказать, что участь моей матери была не так хороша.

Оливия: Могли бы и показать его портрет для приличия, папа.

Барон: Я сам не видел его в лицо, мы общались только по переписке. Он оставил отличное впечатление у меня.

Оливия: Даже так... Может стоило и мне отправить ему пару писем?

Барон: Слишком долго. Чем быстрее мы устраним все формальности, тем лучше. Этот щегол богат, и мы любой ценой должны добраться до его денег.

Оливия: Папа, вам не кажется, что граф это понимает? Что это все не искренне?

Барон: Разумеется, понимает. Уверен, что он сам делал множество подобных визитов. Повторюсь: так устроен мир. У него есть богатство, а у нас... Его связи и богатство

приблизят нас к королевскому трону. А ты сможешь увидеть дворец воочию! Потрясающее зрелище, скажу я тебе.

Плевала я на балы, горы пирожных, светские беседы – все это принадлежало чужому миру, с которым я не хотела иметь ничего общего. Больше всего сейчас мне хотелось спрятаться в глубине сада и палочкой рисовать на земле осликов и лошадок, смотреть как тетушка, сидя на скамейке вышивает теплые носки для своего сына – конюшенного Альбрехта. Я не видела себя за пределами нашего имения – там у меня имелось место и своя роль.

Оливия: Да, папа. Балы в королевском замке – это предел моих мечтаний.

Барон: Хороший настрой, родная! Подними выше головы, все-таки ты принадлежишь роду Клейн, а благородная кровь течет в наших венах не одно столетие!

Я сделала так, как он велел: подняла голову, выпрямила спину. Отец критически меня осмотрел.

Барон: Могло быть и лучше...

Оливия: Что могло быть лучше, папа? Моя осанка?

Барон: Ничего, дорогая. Это просто мысли вслух!

Он улыбнулся, но улыбка получилась слишком фальшивой и натужной. Я ощутила, что карета замедлилась. По стенке снаружи постучали.

Кучер: Приехали, господин. Вас уже ждут с лошадьми!

Барон: Долго еще ехать до особняка графа?

Кучер: Часа полтора-два. Может меньше.

Отец застегнул сюртук на все пуговицы, притянул к себе лежащую рядом широкополую шляпу и надел на голову.

Оливия: Мы выходим? Уже?

Барон: Милая, я забыл тебе сказать самое важное перед поездкой. Я условился с Шернадье, что ты прибудешь в его поместье одна, без сопровождения. Сам я буду недалеко – закончу свои дела в деревушке рядом.

Оливия: Что? Как? Ты же знаешь, что это невозможно!

От страха сердце застучало набатом, норовя вырваться из груди. Одна! В чужом доме и незнакомыми людьми! Мысль о таком заставляла застыть в ужасе.

Барон: Доченька, я понимаю, что это против правил приличия. Но они созданы, чтобы их нарушать. Правильно? Граф, конечно, большой оригинал и светские законы признает неохотно. Безусловно, я с тяжелым сердцем иду на этот шаг, но обстоятельства довлеют, ты знаешь.

Оливия: Папа, вы...!

Барон: Тихо! Ты представительница рода Клейн! Помнишь наш семейный девиз?!

Оливия: Вперед и только вперед...

Из глаз вырывались слезы, сдерживать их удавалось с великим усилием.

Барон: Не бойся, разлука не будет долгой. Завтрашним днем, надеюсь, я тебя заберу, и мы вернемся домой с хорошими новостями.

Оливия: Папа, нет...

Отец прикоснулся холодными губами к моему лбу и выскочил из кареты.

Снаружи раздались смех и приветствия, загудели мужские голоса. Через окно я разглядела группу всадников в охотничьей одежде, сопровождающие их слуги удерживали предназначенную для отца лошадь. Кучер крикнул, просвистела плеть, и карета двинулась вперед, везя меня в полную неизвестность.

Я вжалась в жесткое сиденье всем телом и вперила взгляд в пустующее место перед собой. Чувство одиночества накрыло мощной волной, и, хотя снаружи грело солнце, по коже побежали мурашки. Тряска уменьшилась, грохот колес поутих. Я увидела, что мы выбрались на широкую мощеную дорогу – она тянулась куда-то вдаль.

В пустоту небытия.